

УДК 008

СИМВОЛЫ ЕВРАЗИЙСКИХ ПРОТОГОСУДАРСТВ, ИХ ГЕНЕЗИС

© *Исаенко Анатолий Владимирович*

доктор исторических наук, профессор Аппалачского университета
США, Северная Каролина, г. Бун

Сравнивая уникальные свидетельства китайских хроник династии Хань с недавними находками останков скифских лошадей в кургане на плато Укок в Горном Алтае, автор впервые восстанавливает символическое значение оригинальных качеств этой уникальной верховой породы скифо-сармато-аланских боевых коней. На основе различных источников в статье показано, что именно эти лошади породы «халаш» (алано-осет. «цвета изморози», «инея»), которые были известны китайцам как «небесные» или «потокровные», а на Западе как «аланские», являлись органическим компонентом оригинального военно-технического и сакрально-космического мировоззренческого комплекса евразийских протоимперских образований. Эти легендарные скакуны несли тяжело вооруженных всадников элитной кавалерии сармато-алан и были желанным призом для знати Греции, Рима и Китая. Они стали родоначальниками ахалтекинцев, арабских шаула и других известных пород, и вместе со своими сармато-аланскими всадниками сыграли ключевую роль в становлении средневековой рыцарской культуры.

Ключевые слова: скифы, сарматы, аланы, боевые лошади, собаки, история, культура, символ, генезис, религия.

В недавно опубликованной главе о последнем походе алан в Византию в 1301–1306 гг. мы с С. Джесси обратили внимание на то, что аланы прибыли в империю по приглашению Андроника II (1261–1308) вместе со своими семьями и лошадьми особой аланской боевой породы [1, с. 107–133]. Это были кони, способные нести тяжеловооруженных всадников, атакующих противника в сомкнутом строю на огромной скорости и буквально сметавших его боевые порядки. У византийцев не было таких пород, которые могли бы отдаленно сравниться с аланскими лошадьми, отличавшимися невероятной выносливостью. К тому же, эти кони уже не раз участвовали в битвах под началом монгольского хана Ногая.

Прибывшие в Византию аланы служили у монголов в отдельном элитном «тумене» и внесли решающий вклад в его победы. Византийский историк Пахимер – автор этой информации – добавляет, что после битвы при Кюгенлике аланы решили уйти от монголов Токтая, сменившего более толерантного Ногая, из-за своей православной веры. Им не удалось забрать с собой специфическое военное снаряжение, но они не бросили своих лошадей. Византийцам пришлось вложить немалые средства, чтобы восстановить утраченное снаряжение аланских всадников [1, с. 110]. На что была способна их кавалерия на пике своей формы, аланы продемонстрировали во многих битвах, в частности, в 1304 г. в сражении с турками у Пегаи. Будучи атакованы 900 турецкими всадниками, 200 алан молниеносно перестроились и обрушились на турок встречной атакой с такой железной дисциплиной и яростью, что обратили их в паническое бегство, перебив почти всех и не потеряв при этом ни одного воина [1, с. 122; 2, с. 157–159].

Понятно, что выучка и природные данные их боевых коней, которые в решающие моменты становились единым целым со своими седоками, играли не последнюю роль в таких победах, поражавших воображение не только историков Византии, но и многих других народов на протяжении предыдущих столетий.

Ниже мы продемонстрируем, что традиция выращивать особую породу боевых лошадей, которые имели для алан и их североиранских сородичей – скифов и сарматов – еще и сакральное значение, восходит к глубокой древности. Эта традиция северных арийцев оказала огромное воздействие на все народы, с которыми они соприкасались длительное время.

Прежде всего укажем на существование культа так называемой «белой лошади». Древние славяне унаследовали этот культ (как и саму породу лошадей) непосредственно от североиранцев и тюрков. Он оставил заметный след в фольклоре, искусстве и религии славян. Ряд имен славянских языческих божеств являются производными от североиранских и индоиранских аналогов. Да и само слово «бог» созвучно с древнеиндийским «bhagas» и с древнеиранским «baga». Дж. Вернадский давно заметил, что многие сакральные предметы, символы и амулеты в святилищах древних славян идентичны тем, которые почитались аланами и тюрками. Так, например, языческий бог Свантовит, чей идол стоял в святилище западнославянских племен Арконе, в левой руке держал типичный сложный скифский лук. Прямо перед идолом был воткнут огромный меч, там же помещались уздечка и седло священной «белой лошади», которая содержалась в храмовой конюшне. Никто, кроме жреца, не мог садиться на эту лошадь [3, с. 5].

Для правильного понимания значения этих символов необходимо напомнить, что лук был одним из знаков высшей власти, ниспосланных скифам с неба. А от них воспринятых гуннами и монголами. От скифов и сармато-алан культ меча широко распространился во всем мире кочевников: в царстве Атиллы и в монгольских ханствах он стал главным символом власти правителя. Так же, как у североиранцев, белая лошадь считалась священной и у монголов.

Во время моей командировки в Монголию (1986–1989 гг.) наш коллега профессор Пурэвжав отмечал, что «средневековая культура тюрков и монголов буквально стоит на плечах скифов». Он рассказывал о старинном монгольском обычае, когда перед посвящением главный шаман рода усаживался сородичами на белую лошадь. Седло, уздечка и сама белая лошадь тоже присутствовали в древнеславянских святилищах Триглава в Щецине и Сварожича в Ретре [3, с. 5]. Сакрализация особой породы «белых лошадей» отразилась и в русской пословице «въехать в город победителем на белом коне». Как в действительности выглядели эти легендарные лошади, были ли они изначально белыми?

Для скифов, сарматов, алан, тюрков, монголов лошадь была не только удобным средством передвижения и транспортировки грузов. Это был лучший друг при жизни и после смерти. У всех этих народов с покойником хоронили его лошадь/лошадей. Поздний осетинский обычай посвящения коня умершему (*bahfaldisin*) корнями уходит во времена скифов, сарматов и алан. Согласно Геродоту, в годовщину смерти скифского царя 50 забальзамированных тел его самых преданных воинов и 50 лучших боевых коней выставлялись на специальных подпорках вокруг царской могилы. Всадники с конями сопровождали своего вождя в загробную жизнь в полном вооружении. Археологические раскопки скифских курганов на юге России и Украины полностью подтвердили описание Геродота.

Здесь необходимо указать на такую страшную деталь, как ритуальные убийства этих всадников и коней путем удушения. Этот прием скифы использовали, чтобы избежать пролития крови. Они (как сармато-аланы) верили, что лошади и люди обладают бессмертными душами, а души обитают в их крови. Врагов же, захваченных в боях, казнили, перерезая горло. Их кровью орошали меч на вершине искусственно сложенного холма, символизировавший высшее божество.

Другим способом ритуального умерщвления с целью сохранить бессмертные души царских дружинников и их коней было перебивание позвоночника. В XIII–XIV вв. у монголов так продолжали казнить принцев крови, уличенных в измене, что, с точки зрения современного мира, весьма сомнительная привилегия. Между прочим, шаманы алтай-

ских тюрков применяли этот метод во время жертвоприношения коней вплоть до конца XIX в. [4, с. 26–27].

Первые сведения письменных источников об особой скифо-сарматской породе боевых коней относятся ко II в. до н.э. В это время китайские императоры из ранней (старшей) династии Хань (Qian Han) устанавливали тесные контакты с Западными Регионами (Xiyu). Это было ответом на усиливающуюся конфронтацию со степными ираноязычными кочевниками сюнну (xiongnu). Последние к 177 г. до н.э. сумели вытеснить своих сородичей и давних соперников – ю-эджей (yuezhi) из региона Гансу, и распространили влияние на небольшие государства Таримского Бассейна. Стремясь не допустить дальнейшего усиления сюнну за счет богатых ресурсов этого района, император Wu (140–100 гг. до н.э.) отправил посольство Жан-цяня (Zhang Qian) (138–126 гг. до н.э.), чтобы установить союз с Большими ю-эджами (Da Yuezhi) против сюнну. Благодаря запискам императорского посла, Анналам Ханьской династии (Hanshu), а также «Запискам историка» (Shih chi) Сима Цяня, мы имеем первое описание таких земель, как Dayuan (Фергана), Kangju (Согдиана), Daxia (Бактрия), Anxi (Парфия). Эти описания дали начало различным гипотезам историков о происхождении алан, которых многие авторы ассоциировали с различными этнонимами, приводимыми в вышеупомянутых источниках [5; 6, с. 396–398].

Не вдаваясь в подробности этих дискуссий и отсылая читателей к нашей статье, укажем, что ю-эджи, сюнну и у-суни принадлежали к индоевропейцам и говорили на иранских и «тохарских» наречиях [5; 6, с. 396–398]. Исторически именно в этой среде сформировалось ядро скифо-сармато-аланского / североиранского (североарийского) мира [6, с. 397].

Жан-цянь сообщил своему императору, что примерно в 2000 ли (прибл. 800 км) к северо-западу от Кангю (Согдианы) возникло государство (гао) Янцай (Yancai). Имея такой же «образ жизни», как и в Согдиане, и располагая 100 тыс. тренированных лучников, это государство простиралось вплоть до Арала и северного Каспия [6, с. 398]. Много позже в анналах поздней (старшей) династии Хань (Hou Hanshu) зафиксирован удивительный процесс, отражающий, как представляется, закономерный результат этногенетического характера. А именно: возникновение собственно аланского этноса. Не этногенетического ядра, которое уже сформировалось в предшествующие периоды в результате длительного взаимодействия и наложения североиранских пластов тохарской группы племен, а этноса.

Хоу Ханшу сообщает, что в период между 25–55 гг. н.э. государство Янцай, находившееся в тесных отношениях с Согдианой и имевшее столицу – город Ди (Di), утвердило название Аланьлиао [6, с. 396]. Еще позднее, источник Вэй-лю (Weilue) Ю-хуана (Yu Huan) передавал, что между 225–239 гг. н.э. такие государства, как Лю (Liu), Ян (Yan) и Янцай (Yancai) стали носить общее название Алан (Alan). На западе (в Юго-Восточной Европе: Причерноморье и на Кавказе) государство Алан граничило с Da Qin (Римской империей), а на юго-востоке «с бывшим гегемоном Согдианой». Обитатели ее, скифы-саки и аланы, имели общий образ жизни, несмотря на то, что теперь аланы стали независимыми и заняли лидирующее место среди сородичей. Соседствуя с «Великим Болотом» (Азовское море, Каспий) они культивируют элитные породы скота по берегам рек и на равнинах [6, с. 337–399; 7].

Все вышеупомянутые источники подчеркивают, что основой боевой мощи последовательно сменявших друг друга доминантных североиранских этносоциальных групп вплоть до алан была их кавалерия. С азиатского востока приходили полчища не только искусных и бесстрашных всадников, повергавших в трепет китайцев и жителей Европы. Важно отметить, что вместе с этими победителями был привнесен «как некий прекрасный социальный и культурный идеал образ воителя верхом на коне, защитника людей и повергателя чудовищ, оказавшийся исключительно важным для становления рыцарства и, более того, средневекового христианства и средневекового менталитета вообще». По мнению итальянского исследователя Ф. Кардини, Святой Георгий, Святой Мартин или прекрасный Парцифаль – прямые наследники более древних североиранских богов-всадников [8]. Под стать богам должны быть и их кони. Ведь в древнейших пластах народного творчества, тесно связанных с культом солнца, крылатый конь является солярным символом [3, с. 116–117].

Впервые китайцы и гунны познакомились с элитными скифо-сарматскими лошадьми, ставшими впоследствии основой аланской боевой породы, во II веке до н.э. Согласно североиранской легенде, процитированной Сымой Цянем, лошади этой породы имели небесное происхождение. Приведем отрывок из его сочинения, имеющий особую ценность для нашего исследования, полностью:

«...Сюнну узнали, что китайцы (Han) установили отношения с у-сунями, и, будучи разгневаны этими новостями, решили напасть на последних. Еще до этого китайцы послали гонцов к у-суням и в Та-юань (Фергану), к Большим ю-эджам и в другие страны на юге. А у-сунни, напуганные угрозой нападения сюнну, сами послали гонца с дарами в виде своих коней к (императорскому) двору, требуя, чтобы взамен ки-

тайская принцесса была выдана за вождя у-суней, и с ними был бы заключен братский союз. Император запросил мнения своих министров, и те ответили: «Принцессу не следует посылать, пока обручальные дары не будут вручены соответствующим образом». Ранее император, вдохновленный Книгой Изменений, уверился, что божественные кони должны появиться (в империи) из северо-западных пределов. Когда у-суни прибыли с лошадьми превосходной породы, он нарек их «небесными конями». Однако позже император приобрел потокровных коней из Ферганских пределов, которые были еще сильнее и выносливей. Тогда он повелел называть «небесными» именно их, а лошадей у-суней именовать (конями) из западных пределов...

... Тем временем еще больше гонцов отправились к An-shi (аорсам – *А.И.*) и в Янцай (аланам – *А.И.*). ... Императору так понравились их кони, что он постоянно посылал за ними большие группы своих людей в указанные пределы» [9, с. 274–275].

Как видно, китайские правители хорошо понимали, что без оснащения их войск боевой породой сармато-аланских коней будет трудно противостоять хорошо обученным дружинам североиранцев. Их лошади, военно-кавалерийская техника и искусство стали своеобразным фундаментом для развития имперского конного воинства, а в дальнейшем и средневекового рыцарства Европы. Что касается североиранцев, у них конь с самого начала входил в состав прогрессивно развивающегося технического комплекса и соответственно обладал высоким сакрально-социальным статусом, отражавшим его важную связь с культурами огня, металла, оружия и войны. Вот как местные североиранские представления причудливо отражались в китайских источниках. Гонцы императора докладывали, что знаменитые «потокровные» лошади сармато-алан являются прямыми потомками священного небесного коня. А следы копыт потокровных коней находили на скалах. В Средней Азии якобы есть гора, где обитают лучшие из лучших, которых невозможно поймать. Люди, живущие там, приводят на эту гору своих кобылиц для спаривания с «небесными жеребцами». Их потомство соответственно наследует лучшие качества последних [9, с. 275].

Другая деталь, на которую указывают древние источники, это теснейшая связь между кланами североиранцев и их лошадьми, отражавшая тот самый высокий социальный статус этих животных, упомянутый выше. Клановая эмблема-тамга одновременно была и тавром, которым клеймили родовых скакунов. Причем это тавро никогда не ставилось на другой скот, принадлежавший клану. Таким образом, именно лошади считались (и почитались) полноправными членами рода. Весьма любопытно, что старинные тюркские надписи (VII–VIII вв. н.э.)

среди захваченной добычи упоминали этих животных строго под названиями побежденных кланов и племен [3, с. 19].

С другой стороны, порода или масть коней часто давала название самому клану или племени [3, с. 19]. Члены клана верили, что биологическое «семя» является той мистической силой, которая соединяет ушедшие, живущие и будущие поколения в единое целое. Не случайно алано-осетинское слово, обозначающее фамилию-род *myggag*, происходит от корня *myg* (семя). Отсюда произошло и слово *тамга* (от алано-осетинского *da myg* – «твое семя»). Исторически обычное право (*adat*) описывало членов рода как людей одного «семени», «крови», «кости» или «плоти». Любое преступление против представителей рода и их лошадей, отмеченных родовой тамгой, вело к провозглашению кровной мести против клана обидчика [10]. На Кавказе этот обычай сохранялся вплоть до начала XX в. Здесь уместно вспомнить как герой произведения М. Ю. Лермонтова «Бэла» Казбич убивает главу рода-обидчика. Сын последнего, Азамат, похитил коня Кара-Геза, верного товарища Казбича, не раз спасавшего жизнь хозяину.

Между прочим, сармато-аланские родовые тамги, которые украшали боевых коней, получили затем широкое распространение и у других народов. Наиболее известные среди них – свастики и различные варианты трезубца (особенного вертикального). Периодически встречались вертикальные прямоугольники с неравными по длине продольными боковыми линиями, круги с внутренним крестом, овалы с поперечной перемычкой или разновидности, где плавно изогнутые линии заменены прямыми углами:



Рис. 1. Сармато-аланские родовые тамги [11, с. 35]

В этой связи отметим, что свастика, одинаково типичная для знаковой системы, как алан, так и многих других народов, впервые появилась еще во времена неолита [12; 23]. Однако время максимального распространения свастики на Северном Кавказе и на юге России приходится именно на сармато-аланскую эпоху [13]. В этом регионе в аланскую эпоху и в позднем средневековье знак был известен в 2–3 (вышеприведенных) вариантах, сохранившихся без изменений «вплоть до этнографической действительности». Старый Свет представлял этот символ десятками более грубых вариантов [14]. Вертикальный трезубец был унаследован аланами от сарматов [11, с. 30–31]. Затем от по-

следних через Тмутараканское княжество восточных славян (X–XII вв.) указанный знак был заимствован Киевской Русью. Теперь, как мы знаем, вертикальный трезубец сармато-аланских родовых тамг сначала стал эмблемой радикальных украинских националистических организаций, а затем и государственным символом независимой Украины.

Вернемся теперь к «небесным» потокровным лошадям сармато-алан из китайских источников – потомкам легендарного крылатого коня. В поздних хрониках китайские разведчики, посланные в пределы сармато-аланского мира узнать секреты воспроизводства этой породы, докладывали императору, что кобылицы, которых местные жители приводили к «небесным жеребцам», должны быть пяти определенных мастей. По мнению Дж. Вернадского, эти масти соответствовали пяти основным цветам радуги [3, с. 18]. Весьма примечательно, что на сосудах и монетах из раскопок древнего Хорезма, населенного остатками скифов и сармато-аланами, имелись многочисленные изображения крылатых небесных коней [15; 22]. Легенды о них, обитавших высоко в горах, сохранились и в алано-осетинском фольклоре, а также в традиционной религии осетин, органически абсорбированной православным христианством. Достаточно указать на изображение Святого Уастырджи (Георгия) в виде седовласого аланского богатыря в доспехах и вооружении, восседающего на крылатом небесном коне по имени Уаддым. Между прочим, лучшей породой, связанной происхождением с небожителями, в осетинском нартском эпосе считается иноходец авсург [16; с. 522–523].

Здесь хотелось бы сослаться на очевидцев удивительного события, которое случилось в городе Дигоре, Северной Осетии-Алании, 23 января 1992 г. В этот день ребята из местной школы №1 играли на льду реки Астау-дон в хоккей. Вдруг они увидели, как на оцинкованную крышу недостроенного коттеджа на высоком левом берегу реки медленно опустился ярко светящийся объект. Мальчишки и местный житель-экономист С. Куцкиев увидели, что «это был огромного роста старик с окладистой седой бородой, в белом одеянии, сидевший на белом крылатом трехногом скакуне. От его небольших крыльев летели во все стороны искры... Когда конь опустился на крышу, крылья его поднялись вверх». Очевидцы рассказывали, что два дня после пришествия Святого Георгия шел сильный снег, однако он не замел следы копыт и крыльев на крыше. По словам С. Куцкиева, небесный всадник призвал людей «молиться Богу и беречь молодежь». Позже вспоминали, что это произошло накануне кровавой стадии осетино-ингушского конфликта (конец октября – начало ноября 1992 г.). Но тогда за многочисленными пиришествиями в честь Святого Уастырджи мало кто обратил внимание

на это предупреждение. Репортаж и фотографии с места события были опубликованы в №1 журнала Кавказ [17]. Когда мы показали их нашему коллеге и соавтору С. Джесси, его самым большим впечатлением было то, как глубоко сакральные представления скифов, сарматов и алан укоренились в народной культуре их современных потомков – осетин.

Что касается цветовой гаммы основных мастей кобылиц, которых североиранцы должны были приводить к «небесным жеребцам», то их окрас в точности соответствует космическому характеру и символическим отличительным цветовым качествам протоимперского устройства скифского государства. А в более широком смысле и других древних евразийских протогосударств. Кардинальной чертой скифо-сармато-аланских протоимперских образований была их ориентация на узловые элементы (точки соприкосновения и стороны) символического квадрата, вписанного в космический круг. Каждой стороне протоимперского квадрата соответствовала сторона света, а ей – определенный цвет. Так, черный цвет символизировал север; белый – запад; красный – юг; голубой (в Китае зеленый) – восток. Эти четыре цвета плюс желтый, который представлял центр космического круга, и вписанного в него квадрата, составляли пять основных элементов мироздания: голубой символизировал дерево; красный – огонь; желтый – землю; белый – железо и черный – воду. В этой связи отметим, что позднее культурная (боевая) порода сармато-аланских лошадей отличалась от более диких скифских разнообразием мастей, особенно огненно-красных и желтовато-пламенных. Интересно, что протоимперские секции символического квадрата или государствообразующие племена также были известны под названием кардинальных цветов. Отсюда – «Золотая орда», «Голубая орда», «Белая орда» и т.д. [4, с. 138–140]. Напомним также, что священные книги Авесты санкционировали именно квадратный план для столичного города Вары, который должен быть построен легендарным царем Йимой по указанию бога Ахурамазды. А согласно Плутарху, квадратный план Рима (*Roma quadrata*) был буквально вписан в круг, проведенный плугом основателями – Ромулом и Ремом [3, с. 8]. Квадратный план соблюдался и в древнем Хорезме, а местная крепость Кой-Крылган-Кала имела форму круга [18]. Круг также был основным планом кочевых становищ. По-монгольски они назывались *kuŋiyeu*. Отсюда русское слово курень. Так назывался круговой стан казаков.

В данном контексте мы приводим эти детали, чтобы показать: масти скифо-сармато-аланских лошадей были символическими чертами, органически сочетавшимися с другими характеристиками мировоззренче-

ского комплекса евразийских кочевников. И одними из главных его творцов были скифо-сармато-аланские предки современных осетин.

Дж. Вернадский со ссылками на своих северокавказских информаторов утверждал, что лошади древней аланской боевой породы разводились в Ейском регионе Кубани вплоть до революции 1917 г. Последний экземпляр этой породы исчез в горниле гражданской войны. Наиболее ценными были те, которые назывались *khalas*. На осетинском это слово звучит как *khalas* и с алано-осетинского переводится буквально как «изморозь/иней» [3, с. 9]. Это и были знаменитые «белые священные кони» или «небесные лошади» из вышеупомянутых китайских источников. Кроме того, по словам кубанских офицеров – информаторов Вернадского, эмигрировавших после гражданской войны из России, у этих замечательных скакунов вдоль крупа шла черная полоса. Черными были и хвост с гривой. Они были «высокими, поджарыми и быстрыми, как буря» [3, с. 19].

Здесь вновь напомним, что в скифо-сармато-аланскую эпоху, даже позднее, порода лучших боевых коней, выращенная определенным племенем (или кланом) часто давала имя вождю или всему племени/клану. А если это было племя-гегемон, то и всей конфедерации. Информация А. Марцеллина об алано-готской войне (370 г. н.э.) подтверждает вышесказанное. Во время этой войны часть аланских кланов присоединилась к готам. После смерти остроготского вождя Витимира, убитого в битве при Эраке, королем был провозглашен его малолетний сын Видерих. От его имени всеми делами управляли два наиболее опытных генерала-алана *Alatheus* (Алатей) и *Safrak*. *Safrak* – это латинская транслитерация аланского имени *Saurag* (Черная Спина). Имя другого генерала *Alatheus* – такая же транслитерация, созвучная с именем знатного сармата из Ольвии, встречающееся в одной из греческих надписей – *alouthagos* (в переводе с алано-осетинского «пивовар», на осетинском *alut* означает «пиво»). Таким образом, можно утверждать, что один из военачальников прославился породой лошадей своего рода – скакунов цвета изморози с черной полосой вдоль спины, а другой – пивом. Осетинское пиво традиционной варки до сих пор является любимым напитком изумительного качества, употребляемым во время календарных застолий. Без преувеличения скажем, как и замечательные аланские скакуны, этот непревзойденный напиток в прошлом был гордостью предков осетинского народа.

В русском языке серебристо-черный окрас лошади называется «чалым». От аланского *saurag* произошло название известной русской фамилии Саврасовы. Несомненно, обозначение чалой масти пришло из алано-осетинского *khalas*. Английский историк В. Аллен отмечал, что

наиболее ценная порода кабардинских скакунов на черкесском языке называлась *shaulokh* (отсюда происхождение осетинской фамилии Шавлоховы), а лучшая порода арабских коней носила имя *shaula*. Нетрудно заметить, что черкесское название, как и русское, восходит к аланскому, а арабское, возможно, является транслитерацией черкесского. И во всех случаях прародительницей этих замечательных животных была легендарная сармато-аланская порода «небесных» священных коней цвета изморози.

С появлением алан в Западной Европе эта элитная порода (разной масти) стала известна под названием «Аланских коней». Историки часто цитируют следующее поэтическое описание аланского коня римским императором Адрианом (II в. н.э.): «Борисфен Аланский, конь Цезаря, мог лететь и по ровной земле, и через болота, и через Тосканские горы. И никогда на охоте за дикими кабанами в Паннонии ни один разъяренный боров с белыми клыками не мог даже приблизиться к нему для нанесения удара. Во время охоты за долгие часы погони он не ведал усталости». А в своей Истории грузинского народа В. Аллен писал, что за одного скакуна породы *shaulokh* консорт (соправитель) грузинской царицы Тамары Давид-Сослан заплатил замком и целой деревней. Интересно, что конь был «булатной», то есть серебристо-металлической или цвета изморози масти. Будучи сам аланом, он знал высокую цену этим легендарным лошадям. Кстати, их аланские прародители в IV в. были изображены на фресковых росписях керченских склепов. Там знатные воины восседали на высоких стройных конях [19].

Археологические раскопки в Горном Алтае позволяют прояснить оставшиеся детали, лучше понять сведения рассмотренных выше источников. Речь идет об удивительном открытии Н. Полосьмак – старшего научного сотрудника Института Археологии и Этнографии Сибирского отделения Академии Наук России (Новосибирск). В 1990-х гг. она исследовала курганное скифское погребение на плато Укок 2400-летнего возраста. Со времен легендарных раскопок Пазырыкских курганов С. И. Руденко в 1929 г. это была первая находка одиночного женского захоронения скифской «принцессы». Описание этого уникального погребения стало известно американским специалистам благодаря статье, анонсированной в октябре 1994 г. в «National Geographic», а также подробному отчету составителей «Ariets Research Blog» [2, с. 150–153; 20].

Весьма примечательно, что антропологически знатная скифянка принадлежала к европеоидной расе. Кстати, недавние у-хромосомные и митохондриальные ДНК-анализы 26 человеческих останков из муж-

ских захоронений из района Красноярска (датируемые серединой II тыс. до н.э. – IV в. н.э.) показали, что они принадлежат индоевропейцам хаплогруппы R1a1 M17, то есть, в частности, северным индоиранцам. О том же свидетельствуют и различные краниометрические анализы останков из погребений того же времени в обширных районах Южной Сибири и Казахстана. Эти исследования подтвердили, что в бронзовом и железном периодах Южная Сибирь в основном была населена людьми курганной культуры – белокожими, голубо/зеленоглазыми блондинами, которые сыграли важную роль в формировании цивилизаций Таримского бассейна. Ученые установили их прямую связь с людьми бронзовой культуры с Северного Кавказа (Кобанской культуры). Миграция этих индоевропейцев, в частности, индоиранцев из Южно-русских/украинских степей (и с Кавказа) в Среднюю Азию, а затем, в раннем железном веке назад, по мнению А. Г. Козинцева, сыграла основную роль в появлении скифов на исторической арене [21].

Плато Укок находится в горах Алтая на территории Автономной Республики Алтай. С юга она граничит с Китаем, с востока с Монголией и с запада с Казахстаном. Плато находится на уровне 2,5 тыс. метров над уровнем моря. Летом верхний слой почвы отогревается. Зимой температура падает до $-10\text{ }^{\circ}\text{C}$, но сильные ветра сдувают снег, обнажая хорошо сохранившуюся траву. Вот почему в ранний период скифы выбрали это место (с локального диалекта Укок переводится как «конец всего») для своих зимних пастбищ, а урочище Пазырык для погребения своей знати.

Благодаря вечной мерзлоте, мумия «принцессы» в промерзшей катакомбе кургана прекрасно сохранилась. Ее тело сплошь покрыто татуировками в знаменитом скифском зверином стиле. Однако в контексте настоящего исследования нас особенно интересует другая уникальная подробность. В северном направлении от стен катакомбы находились останки шести лошадей в полном снаряжении, готовых нести свою госпожу в лучший мир.

Опираясь на результаты раскопок Пазырыкских курганов С. И. Руденко и сравнивая их с погребением «принцессы» Укок, мы пришли к твердому выводу, что 2,4 тыс. лет назад скифы, а затем сармато-аланы, разводили по крайней мере две основные породы лошадей. Одна – так называемая лошадь Пржевальского, вновь открытая и описанная им в XIX в.: небольшая, сильная, способная таскать тяжело груженные повозки и кибитки. Их останки неоднократно находили в предыдущих раскопках Пазырыкских курганов под руководством С. И. Руденко [22].

В кургане «принцессы» Укок находились другие элитные лошади скифов. Стройные, с длинной грациозной шеей и ростом в 14–15 лок-

тей, около 1,5–1,7 м высотой (от земли до основания шеи) [23], эти потрясающие животные обладали невероятной выносливостью, способностью покрывать большие расстояния в суровых климатических условиях. Причем большую часть рейда они обходились без воды.

Вот характерный исторический эпизод. К концу III в. до н.э. в Азово-Днепровском регионе возросло влияние языгов-сарматов. Они стали принимать участие в крупных политических событиях. В 179 г. до н.э. царь Понта Фарнак I (190–169 гг. до н.э.) выступил инициатором соглашения «дружественных понтийских государств и городов-царств», пытаясь направить их силу против захватнической политики Рима. «Царские языги» согласились на союз с греками в противовес своим сородичам скифам. Последние занимали промежуточное положение между Крымским полуостровом и материком, чем мешали продвижению языгов к берегам Черного моря [24]. Интересующий нас эпизод описан у древнегреческого автора Полиэна [25]. Жители Херсонеса, сверх меры притесняемые крымскими скифами, обратились за помощью к сарматской царице Амаге и заключили с ней союз. Выполняя свой «союзнический долг», а в действительности, следуя своим интересам, Амага в ультимативной форме потребовала от скифского царя прекратить набеги на город. Правитель скифов ответил своей «сестре» отказом. Тогда Амага взяла с собой 120 всадников, каждый с тремя отборными лошадьми, проскакала за сутки (!) 1200 стадий, что составляет примерно 190 км, неожиданно напала на резиденцию скифского царя и велела его казнить. Затем она передала власть его сыну, приказав последнему жить в мире с греками, а также с сородичами (сарматами).

Перечитывая рассказ Полиэна, мы не могли отделаться от мысли, что скифская «принцесса» Укок была почти современницей Амаги. Обе эти типичные амазонки и их дружинники владели одной породой замечательных лошадей, останки которых археологу Н. Полосьмак посчастливилось увидеть в промерзшем Алтайском кургане. Степень состояния их останков подтверждает сообщения цитированных выше китайских источников. Это, прежде всего, относится к двум уникальным характеристикам, исторически сделавшим этих рослых верховых скакунов дорогим призом для любой власти от Греции и Рима до Китая. За исключением одной взрослой лошади, это были молодые кобылицы. Сохранившиеся клочки шерсти позволяют определить оттенки их окраса: серовато-коричневого, цвета лаврового листа, и светло-каштанового.

Здесь уместно вспомнить описания китайскими послами кобылиц разной масти, предназначенных «небесным жеребцам». Однако наиболее примечательной деталью был светлый окрас их подшерстка. В со-

четании с цветовой гаммой основного шерстяного покрова он всегда придавал животным этой породы золотистый или серебристый металлический блеск. Кроме того, у этих кобылиц была необычайно тонкая шкура. Во время бега на длинные расстояния, как во время военного рейда Амаги, сквозь их кожу проступал кровавый пот. Вот почему лошади этой воистину «потокровной» породы, особенно лаврового или светло-каштанового оттенков, в сочетании со светлым в каплях пота подшерстком, буквально сияли на солнце во время бешеной скачки. Поэтому на алано-осетинском эти лошади назывались *khalas* – цвета изморози или инея, а китайские источники именовали их «небесными» и «потокровными».

Также понятно, почему скифы и сармато-аланы во время своих «балцев» – военных набегов – предпочитали молодых кобылиц. Во-первых, в сравнении с жеребцами, они отличались более послушным нравом. Во-вторых, всадники, пересекая безводную местность, могли утолять жажду их молоком. И, наконец, потому, что кобылицы могут на бегу опорожнять свой мочевой пузырь, о чем сообщал Гай Юлий Салин в первой половине III в. [23; 26]. Наконец, они были незаменимы во время внезапного нападения на стан врага (как, например, при атаке Амаги на резиденцию скифского царя). Потому что, в отличие от жеребцов, не выдавали себя громким ржанием. Кстати, во фронтальных, открытых схватках тяжеловооруженных рыцарей аланы использовали выхолощенных жеребцов. Как, например, в упомянутой выше битве у Пегаи. Такие ряды, закованных в панцыри (катафракты) эскадронов, решали исход боя в считанные минуты, атакуя противника во весь опор на карьере [1, с. 225]. Но для дальних рейдов по тылам противника использовались именно кобылицы.

Лошади в кургане были ориентированы на восток. Гривы скреплены и завернуты в кожаные накладки, а хвосты заплетены. Каждое деревянное седло снаружи и внутри обито мягким войлоком, богато украшено сценами охоты хищников (барсов, грифонов) на оленей в скифском зверином стиле, оторочено бахромой с кисточками, но без стремян (последние появятся у алан позже). Это требовало от всадников большой ловкости, особенно в бою во время стрельбы из лука и метании копья. Интересной подробностью было специальное подрезывание небольших кусочков ушей у скакунов. Этот ритуал вплоть до XIX в. сохранился у осетин во время специального обряда посвящения коня покойнику (*bahfaldisyn*) [23; 27].

Аланская раса «небесных» потокровных лошадей послужила основой, ставшей впоследствии знаменитой ахал-текинской породы. Только очень знатные и богатые кланы тюрков, заместившие в регионе Сред-

ней Азии североиранцев, имели таких коней. Эту породу все еще разводят в Туркменистане. Любопытно, что в 1935 г. ахал-текинцы участвовали в знаменитом пробеге Ашхабад-Москва. Расстояние в 2580 миль (4128 км) было покрыто за 84 дня, и большая часть пути была пройдена лошадьми без водопоя. По экстерьеру и размеру В. Б. Ковалевская различала два вида лошадей единой аланской породы. По высоте эти крупные скакуны достигали роста в 140–150 см, как, например, лошадь на изображении на камне из крепостной стены Йорка южнее Адрианова вала в Британии [2, с. 149–159; 23; 28; 30, с. 250]. Как показано выше, скифы, сарматы и аланы имели и более высоких лошадей. Несомненно, ахал-текинцы унаследовали лучшие качества своих прародителей, которые, как мы видели, дали начало и другим знаменитым породам. Сами же необыкновенные животные, после гибели во время гражданской войны (1918–1920 гг.), воистину стали небесными. И, если верить приведенному выше сообщению из Северной Осетии-Алании, продолжают служить бессмертным небожителям верой и правдой. Так же, как в течение многих веков они служили скифским и сармато-аланским всадникам.

Примечания:

1. Jessee S., Isaenko A. The military effectiveness of Alan Mercenaries in Byzantium, 1301–1306 // *Journal of Medieval Military History*. 2013. Vol. IX. Ch.6.
2. Сланов А. А. Военное дело алан I–XV вв. Владикавказ, 2007.
3. Vernadsky G. *The origins of Russia*. Oxford: Clarendon Press, 1959.
4. Vernadsky G. *The Mongols and Russia*. New Haven: Yale University Press, 1953.
5. Исаенко А. В., Кучиев В. Д. Некоторые проблемы древней истории осетин / Аланы: история и культура. Владикавказ, 1995. С. 10–33.
6. Alemany A. *Sources on the Alans. A critical compilation*. Brill, Leiden, Boston, Kologn: Brill Academic Publishers, 2000.
7. Hulsewe A., Loewe M. *China in Central Asia. The Early Stage: 125 B.C. – A.D. 23*. Leiden, 1979; Zadneprovski Y. A. *The nomads of Northern Central Asia after the invasion of Alexander* // Harmatta J. *History of Civilizations of Central Asia*. 1994. Vol. II. P. 457–472.
8. Кардини Ф. Истоки средневекового рыцарства. М., 1987. С. 18.
9. Watson B. *Records of the grand historian of China*. New York, London: Columbia University Press, 1962. Vol. 2.
10. Vernadsky G. *Ancient Russia*. New Haven: Yale University Press, 1943. P. 173; Isaenko A. *Polygon of Satan: ethnic traumas and conflicts in the Caucasus*. Dubuque, IA: Kendall Hunt Publishing Company, 2014. P. 34.
11. Яхтанигов Х. Х. *Северо-Кавказские тамги*. Нальчик, 1993.

12. Бобринский А. А. О некоторых символических знаках общих первобытной ориентировки всех народов Европы и Азии: тр. Ярославского областного съезда. М., 1902, С. 78.
13. Алексеева В. П. О происхождении абазин и расселении их в средние века // Проблемы этнической истории народов Карачаево-Черкесии. Черкесск, 1980. С. 14–52.
14. Бушуев С. К. Борьба горцев под предводительством Шамиля. М.- Л., 1939. С. 186.
15. Толстов С. П. Древний Хорезм. М., 1948. С. 206–208.
16. Vernadsky G. Anent the epic poetry of the Alans // *Annuaire*. 1952. Vol. 12. P. 522–523.
17. Алан О. Пришествие Св. Георгия // *Кавказ*. 1973. №1. С. 12–13.
18. Толстов С. П. Древний Хорезм. М., 1948. С. 81.
19. Allen W. A history of the Georgian people from the beginning to the Russian conquest in the nineteenth century. London: K. Paul, Trench, Trubner & Co., 1932. P. 332–333.
20. Полосьмак Н. В. Стережущие золото грифы (Ак-алахинские курганы). Новосибирск: Наука, 1994. 124 с.; Каминский В. Н. Стремена у алан Северного Кавказа // *Древности Кубани*. Краснодар, 1991. Т.2. С. 125.
21. Kozintzev A. G. The origin of the Scythians (and early Northern Indo- Iradians) // *Scythians*. Ariets Research Blog. 2009. December 8; Ancient DNA provides new insights into the history of South Siberian Kurgan People // *Scythians*. Ariets Research Blog. 2009. October 1. URL: <http://ariets.wordpress.com/category/indo-europeans/scythians>; Дикшит С. К. Введение в археологию. М., 1960, С. 470–471.
22. Руденко С. И. Культура населения Горного Алтая в скифское время. М., 1953. С. 146–235.
23. Turner (Kemp) M. A culture on the hoof: Kurgan woman of the Pazyryk // *Ariets Research Blog*. 2009. July 24. URL: <http://ariets.wordpress.com/category/indo-europeans/scythians/>
24. Исаенко А. В. Кавказ и цивилизации Востока в древности и средневековье. Владикавказ, 1993, С. 166.
25. Harmatta J. Studies in the history and language of Sarmatians. Seged, Hungary, 1970. – P. 151.
26. Латышев В. В. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе // *ВДИ*. 1949, № 3. С. 248.
27. Абаев В. И. Историко-этимологический словарь осетинского языка. М.-Л., 1958. Т.1. С. 232–233.
28. Ковалевская В. Б. Изображение коня и всадника на средневековых амулетах Северного Кавказа // *Вопросы древней и средневековой археологии Восточной Европы*. М., 1978. С. 114–116.
29. Alano Espanol (Spanish Alano) // URL: <http://dogbreedinfo.com/alanoespanol.htm>
30. Blanchere H. de la. Les Chiens de Chasse. Paris, 1875. P. 76–77.

31. Ковалевская В. Б. Конь в истории и языке осетин // *Studia Iranika et Alanika*. Rome, 1998.

SYMBOLS OF EUROPEAN PROTOSTATES, THEIR GENESIS

Anatoliy V. Isaenko

Dr. Sci. (History), Professor, Appalachian State University
Boone, North Carolina, USA

Drawing on the rare evidences of the original Chinese chronicles of the Han Dynasty and comparing them with the latest archaeological findings in the kurgan of the “Scythian Lady” in the Altai Plato Ukok, the author for the first time managed to restore major characteristics of the unique race of Scythian and Sarmato-Alan battle horses. The article demonstrates that Khalas, also known as “heavenly” and “blood sweating” horses in the Chinese sources were an organic part of the original military high-tech and sacred cosmological complex of the Eurasian proto-empires and their world view. These horses were capable to carry heavily armored elite cavalry of North Iranians and were the most desirable prize for all powers from Greece and Rome to China. They gave beginning to the most famous breeds like Turkish Ahal-Tekins or Arabic Shaula horses, and together with their Sarmato-Alanic riders laid down the foundation of culture of medieval chivalry in Western Europe.

Keywords: Scythians, Sarmatians, Alans, battle horses, dogs, breeds, history, culture, symbol, genesis, religion.